

В.В. Кулачков
Брянский государственный
инженерно-технологический университет

СОВЕТСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена рассмотрению состояния советской кооперации в период новой экономической политики преимущественно на материалах Брянской губернии. В изучаемый период кооперация постепенно превращалась из относительно самостоятельной дореволюционной структуры в систему, практически полностью контролируемую государством. Одновременно благодаря временным уступкам советской власти наблюдался рост самодеятельности и активности граждан, который отражался и в кооперативной сфере. Исследователи, которые занимаются данной темой, среди прочего отмечают ценный вклад кооперативных структур в социокультурную сферу. Ряд ученых обоснованно считают, что превращение кооперации в часть государственной системы было закономерным и неизбежным явлением, что дает возможность выделить как позитивные, так и отрицательные стороны в ее развитии. В связи с вышесказанным изучение развития кооперации и отношения к ней крестьян имеют важное значение при изучении эпохи новой экономической политики. Очевидно, что советское государство активно использовало кооперативные структуры для достижения своих целей. Следует отметить достаточно эффективную работу кооперации в сферах культурно-просветительной работы, поддержке бедноты, развитии социокультурной сферы деревни. При этом развитие кооперации затрудняли такие факторы как растраты и хищения, дефицит квалифицированных кадров, проигрыш экономической конкуренции частной торговле. Кроме того, акцент российских крестьян на внутреннее обеспечение усиливался нестабильностью в настоящем и неуверенностью в будущем, что вызывалось переходным характером новой экономической политики.

Советская страна, новая экономическая политика, деревня, конкуренция, советская кооперация, Брянская губерния.

В 1920-е гг. достаточно активно развивалась советская кооперация, которая постепенно превращалась из относительно самостоятельной дореволюционной структуры в систему, практически полностью контролируемую государством. Однако в изучаемый период благодаря уступкам большевиков наблюдался рост активности граждан, в том числе и при организации кооперативов. Так, по мнению А.Ю. Давыдова, «...вынужденное смягчение большевистской диктатуры способствовало быстрому возрождению самодеятельных общественных начал. Данное обстоятельство еще раз убеждает, что нэп никак не может рассматриваться в качестве составной части тоталитарной истории. Люди проявляли себя как творцы, деятели; сами организовывали свои коллективы, сами ими управляли» [11, с. 51]. Целью данной статьи является рассмотрение развития советской кооперации в период новой экономической политики на региональном материале.

В статье преимущественно используются материалы Брянской губернии, решение об образовании которой официально было принято 1 апреля 1920 г., но ранее этот вопрос дискутировался на заседании Брянского уисполкома 16 сентября 1918 г. [2]. В декабре 1926 г. к Брянской губернии были присоединены Новозыбковский, Клинецовский и Стародубский уезды упраздненной Гомельской губернии. В Брянской гу-

бернии стало насчитываться более 2 млн жителей, 8 уездов, 54 волости. Однако в конце 1920-х гг. реализация на практике кампании по районированию привела в итоге к образованию Западной области с центром в Смоленске. В результате 1 октября 1929 г. Брянская губерния была упразднена, а через год ликвидированы и округа [2].

Теоретической и методологической основой для данной статьи стали принципы объективности, системности, альтернативности, историзма и конкретности. В работе использовались положения основных теоретико-методологических подходов, к которым относятся цивилизационный и формационный подходы, модернизационная теория, «новой локальной истории». Однако у каждого из них есть свои достоинства и недостатки, поэтому необходимо их применять в совокупности для достижения цели статьи. В результате значительно увеличивается пространство научного поиска, что, в свою очередь, способствует более беспристрастному и объективному постижению прошлого.

В современной историографии исследователи в целом позитивно оценивают развитие советских кооперативных структур, несмотря на их подчиненность государству. В частности, исследователи отмечают их ценный вклад в социокультурную сферу. Так, по мнению А.А. Панарина, «...развитие демократических

принципов кооперативного движения в середине 1920-х гг. способствовало повышению роли кооперации в социальной жизни Северного Кавказа. Несмотря на существующие недостатки и проблемы, результаты культурно-просветительской работы кооперации благотворно отразились на развитии социальной сферы сельских районов региона, способствовали повышению образованности и культурного уровня населения» [26, с. 89]. В свою очередь Е.В. Дианова отмечает, что «...в 1920-е гг. антирелигиозная работа была включена в общую культурно-просветительскую деятельность кооперации. Кооперативные организации должны были принимать участие в проведении различных вечеров антирелигиозного содержания. Большие надежды возлагались на комсомол и учащуюся молодежь, антирелигиозная пропаганда была важным элементом общественно-политического воспитания молодых кадров потребкооперации, входила в программу обучения школ кооперативной грамоты» [15, с. 468]. Автор данной статьи также уделяет внимание развитию кооперации в 1920-е гг. и в целом положительно оценивает кооперативное движение [20].

В 1990-е годы была защищена докторская диссертация Е.В. Демчик, посвященная изучению деятельности частного капитала города в 1920-е гг. на материалах Сибири [12]. В ее статьях указывается на отсутствие реальных альтернатив дальнейшего развития страны из-за уничтожения частного предпринимательства в конце 1920-х гг., проводится основательный анализ социальной группы нэпманов как весьма разнородной и неустойчивой [13; 14]. В работах Е.Д. Твердюковой уделяется внимание изучению потребительской кооперации на материалах Петрограда – Ленинграда, рассматривается развитие коммерческой рекламы в советских газетах периода нэпа [32; 33]. Кроме того, указанный автор уделила внимание изучению деятельности ломбардов в эпоху нэпа и проблемам рабочего кредитования в советской журнальной сатире [34; 35]. Е.Д. Твердюкова пришла к выводу, что «юмор помогал маленькому человеку приспособиться к непростым жизненным ситуациям, стоически воспринимать советскую реальность. Для историков же публикации в сатирической прессе служат важнейшей частью информационной мозаики, помогающей понять трудности, с которыми сталкивался обыватель в повседневной жизни в эпоху НЭПа» [35, с. 322].

Одновременно ученые отмечают, что эволюция кооперации, прежде всего, была основана на активности и самостоятельности населения. Так, Н.С. Жданова приходит к выводу, что «исторический опыт 1920-х гг. свидетельствует, что особенностью формирования кредитной кооперации является положение о том, что как финансовый институт она должна развиваться “снизу”, опираясь на крепких платежеспособных пайщиков, за счет активной финансовой и правовой помощи со стороны государства, при использовании привлеченных средств населения на производственные и социальные нужды, соблюдении принципов организации традиционной кооперации» [17, с. 44–45].

Ряд ученых придерживаются обоснованного мнения, что превращение кооперации в часть государственной системы было закономерным и неизбежным

явлением. Так, А.П. Шекшеев приходит к выводу, что «...пережившая в советское время множество реорганизаций кооперация на Енисее развивалась в русле НЭПа общими тенденциями. Как и в целом по Сибири, советское государство рассматривало ее в качестве собственной организации по проведению классовой социально-экономической политики, рычагов внеэкономического изъятия доходов деревни на нужды крупной промышленности» [36, с. 41–42]. Н.В. Воробьев отмечает, что «...в период нэпа советское государство лишь ослабило, но не прекратило вмешательство во внутренние дела кооперации, что делало возможным ее новое огосударствление» [5, с. 89].

С.М. Стасюкевич придерживается мнения, что «...формализация фундаментальных кооперативных принципов привела к тому, что сельскохозяйственная кредитная кооперация, в отличие от дореволюционного времени, так и не стала самостоятельным и действенным инструментом накопления средств населения и их инвестирования в производство» [31, с. 71]. Исследователь И.А. Боркун считает, что «на завершающем этапе новой экономической политики стало очевидно, что кооперация не получила развитие как высокоэффективная и притягательная для крестьянина форма производства, не стала механизмом, обеспечивающим достижение главной цели – прочной “смычки” крестьянства и промышленного рабочего класса» [1, с. 66]. В западной историографии также уделяется внимание изучению советской страны в период новой экономической политики, в том числе рассматривается и состояние кооперативного движения [37; 38].

Таким образом, в современной историографии выделяются как позитивные, так и отрицательные стороны в развитии кооперативных структур. Несомненно то, что молодое советское государство активно использовало кооперацию для достижения своих целей. В связи с этим изучение развития кооперации на региональном материале и отношение к ней крестьян актуальны при изучении эпохи новой экономической политики.

Следует сказать, что кооперативные структуры достаточно эффективно занимались культурно-просветительской работой. Так, в периодических изданиях Брянского губернского союза потребительных обществ содержится информация о подписке на популярные газеты и журналы. Например, в 1923 г. население было проинформировано об условиях подписки на еженедельную газету «Смоленская деревня», журналы «Крестьянка» и «Работница» [18, с. 25]. К аудитории двух последних журналов, само собой, относились женщины, что способствовало повышению их общественной активности. В инструкции Брянского губкома по перевыборам за 1925 г. есть сведения, что «необходимо выдвигать работниц и крестьянок в выборные контрольные органы и аппараты потребительской кооперации» [6, л. 11]. В архивных материалах Центрального кооперативного совета от 20 февраля 1926 г. сохранилось указание, что «международный женский день в системе молочной кооперации должен быть днем смотра ее достижений в работе по вовлечению крестьянок» [27, л. 10].

В Брянской губернии государственные финансовые органы также поддерживали кооперативные организации. Например, «...Брянским отделением государственного банка принималась подписка от кредитных, сельскохозяйственных товариществ и потребительских обществ на учредительские и крестьянские паи Западного общества сельскохозяйственного кредита» [18, с. 25]. Данное общество действовало на территории Брянской, Смоленской и Витебской губерний, т.е. охватывало своим влиянием большую территорию. Периодически публиковались статьи, которые рассказывали об успехах в развитии сельскохозяйственной кооперации. В частности, одна из них под названием «Больше внимания сельскохозяйственной кооперации» после перечисления позитивных достижений содержала вывод, что «наша сельскохозяйственная кооперация занимает вполне определенное и прочное положение как в центре, так в частности в Брянской губернии» (Там же, с. 9). Верно отмечает С.А. Есиков, что «...вовлекая в свою орбиту крестьянские хозяйства, кооперация постепенно, незаметно разрушала натуральную замкнутость, втягивала их в рыночные отношения» [16, с. 139–140].

Однако локальные исследования деревни 1920-х гг. показывают на конкретных примерах, что даже в относительно благополучной ситуации бедные крестьяне с трудом добивались изменения своего социального статуса [9, с. 32–33]. При этом, как и в любом деле, не обходилось без существенных недостатков. Поэтому жители деревни не оставались в стороне и высказывали в письмах свое отношение к кооперативным структурам – как положительное, так и отрицательное. В частности, крестьянин П. Заикин (дер. Гаськово Веинской волости Козельского уезда Калужской губернии) был настроен пессимистично, но надеялся на позитивное развитие событий: «У нас с начала революции был организован кооператив и существовал до 1920 г., в это время были многолавки. В 1920 г. кооперация лопнула и в настоящее время ее трудно организовать. Крестьяне говорят, что у нас была кооперация, она провалилась и теперь провалится, спрашивать с некого. Но, надеюсь, в будущем кооперацию организуют» [28, л. 4].

Эволюция кооперативного движения осложнялось различными факторами, одним из которых был дефицит квалифицированных кадров. Так, в архивных материалах за 1923 г. по Брянской губернии о роли потребительской кооперации указывалось, что «нужно выбирать честных товарищей, могущих разбираться в кооперативной работе» [7, л. 1]. Однако низкий уровень грамотности и отсутствие опыта деятельности крестьян в условиях рынка создавало прецеденты так называемого «нерыночного поведения» в условиях сохранявшихся административных структур власти. Весьма характерным является случай, произошедший в Сухиничском союзе кооперативов Калужской губернии в 1925 г., когда был открыт кредит на сумму 40 тыс. руб., но из-за нерасторопности управленцев деньги так и не пошли на кооперативные нужды [29, л. 42–43].

Существовали проблемы и в сфере кооперативного кредитования, что способствовало недовольству крестьян. Так, 21–22 февраля 1926 г. был проведен 16

Стародубский волостной съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, на котором заслушали доклад товарища Филиппова, посвященный развитию кооперации. По итогам прозвучал пессимистический вывод о том, что, если бедняк вступает пайщиком и получает кредит, то потом ему приходится, прежде всего, его погашать, а не развивать свое хозяйство [8, л. 1, 14].

Архивные данные подтверждают растраты и хищения в кооперации. В частности, в 1926 г. были сделаны весьма печальные выводы после изучения злоупотреблений в системе сельскохозяйственной кооперации: «В Орловской губернии было выявлено 47 % растрат и хищений, в Смоленской – 51 %, в Калужской – 38 %. По сумме растрат на одно товарищество выделялась Орловская губерния – максимальная сумма – 48 314 р., на 1 товарищество – 1380 р.; в Смоленской максимум – 16 218 р., на 1 товарищество 954 и т.д.» [30, л. 37–37 об.].

В средствах массовой информации также появлялись сведения о закабалении крестьян из-за кредитования. Например, в 1928 г. А. Исаков (Брянская губерния) прислал сообщение под названием «Как работает наша кредитка». Автор сообщал, что «во многих случаях бедняк не получает кредита из-за отсутствия у него хорошего (в смысле хозяйственной мощности) поручителя. Но когда поручитель имеется, бедняку приходится “благодарить” этого поручителя разного рода угощением, отработками и т.п.» [25, с. 41]. В материалах к XV Брянской губернской конференции, прошедшей в 1928 г., указывалось, что «практика выделения фондов кооперирования бедноты из прибылей кооперативных организаций себя, бесспорно, оправдала. ...Поставить задачей текущего хозяйственного года кооперирование 75 % всей бедноты к концу хозяйственного года» [21, с. 15].

При этом в средствах массовой информации встречались заметки о трагических случаях, которые происходили в кооперативной среде. Так, в газете «Наша деревня» от 6 апреля 1928 г. № 55 (291) была размещена заметка «Убит тов. Сомкин» (Автор – Георгий). В ней содержится информация, что «В г. Сухиничи убит и ограблен на 1000 руб. председатель Дубровского П.О., Бежицкого уезда тов. Сомкин. Тов. Сомкин всегда стоял на страже интересов кооперации и всячески внедрял кооперативные идеи в широкие крестьянские массы. Убийцы еще не обнаружены. Пайщики требуют, по выявлению преступников, применить к ним самое суровое наказание» [22, с. 4]. Скорее всего, это было банальное убийство с целью ограбления, но в угоду идеологическим реалиям 1920-х гг. в газете данное убийство было связано с кооперативным движением.

В сборник «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.» также включены письма крестьян на кооперативную тематику [10]. В частности, в письме крестьянина С.П. Романова из деревни Ниж. Акимовка (п/о Жиздра Брянской губернии) в «Крестьянскую газету» (было получено 30 мая 1929 г.) предлагалось «преобразовать кооперацию в огромный, в масштабах государства, распределительный механизм на базе строгого учета и контроля» [10, с. 239]. Составители сборника

в связи с этим предложением делают обоснованный вывод о том, что такая практика уже использовалась в эпоху военного коммунизма и это привело к плохим последствиям в виде чрезмерной бюрократизации [10, с. 238–239]. С ростом бюрократизма был непосредственно взаимосвязан рост хищений. Так, В.П. Булдаков отмечает, что «сами кооператоры в 1929 г. подсчитали, что за последние два года в сельской сети более половины организаций было поражено растратами, которые ежегодно составляли более 10 млн рублей, а всего за два последних года было разворовано 22 млн» [3, с. 447].

Одновременно в периодической печати встречались критические заметки о том, что выборы кооперативных структур проводились с различными нарушениями. Например, в газете «Наша деревня» на пере выборах кооперации Жиздринского уезда наблюдались случаи подпайвания пайщиков и угощения баранками. В связи с этим автор Г. Звон опубликовал стихотворение про кооперацию «Во что обходится “угощение”»:

Сегодня щедр Иван Кузьмич.
В надежде на прощенье,
Поставит четверть в магарыч,
Он ради угощенья.
За Кузьмичем есть недочет,
Грехов за Ванькой тыща,
Но коль сивуха потечет,
Никто грехов не взыщет.
Кузьмич на ять узнал «народ»,
Припас все с позаранку
Семену водкой смазал рот,
Илье воткнул баранку.
Забыл Игнат за что серчал,
От пьянки слиплись очи.
- Кого? Ивана Кузьмича!
Иди, Кузьмич, ворочай!
За Кузьмича лес пьяных рук,
(Опять в кооп пролез паук)
Скребет Степан в затылке.
Грош этим пайщикам цена,
Которые не видят ни рожна,
Из-за баранок и бутылки [23, с. 3].

Также следует сказать, что государственные кооперативные структуры, как правило, проигрывали экономическое соревнование частной торговле. Так, в вышеупомянутой газете «Наша деревня» за подписью автора «Пайщик» помещена заметка «Почему идут к частнику». В ней рассказывается о том, что «Яровщинское потребобщество закупает у частников 14 процентов к общей закупке товаров, а Улемльское, у которого обороты больше, закупает у частника 40 проц. товаров. Почему же кооператоры идут за товарами к частнику? Они объясняют этом тем, что губпотребсоюз сократил кооперативам отпуск товаров. Наше мнение таково: частник-то покупает товар у наших же организаций, не ездит ведь за товарами за границу? Так почему бы губпотребсоюзу не построить работу свою так, чтобы товар шел больше в низовую сеть только неходовой товар давать частнику» [24, с. 4].

Таким образом, кооперативное движение в Брянской губернии фактически находилось под полным контролем советской власти, что подразумевало выполнение государственных задач. При этом нацеленность российского крестьянства на обеспечение своих непосредственных нужд усиливалась временным характером новой экономической политики [4, с. 66]. Очевидно, что кооперативные структуры не были в достаточной степени самостоятельны, однако по идее должны были стимулировать предприимчивость крестьянского населения. Поэтому можно согласиться с И.С. Кузнецовым в том, что «фактически к концу 20-х гг. под названием кооперации действовала бюрократизированная, огосударствленная структура, которая могла лишь отталкивать крестьян» [19, с. 83].

Литература и источники

1. Боркун, И. А. Кооперация и государственная продовольственная политика в период нэпа: хлебозаготовительный кризис 1927/28 гг. / И. А. Боркун // Вестник Саратовского государственного университета им. Н.И. Вавилова. – 2014. – № 8. – С. 62–66.
2. Брянская губерния – предшественница Брянской области. – URL: <http://www.puteshestvie32.ru/content/guberniya>, свободный (дата обращения: 28.09.2019). – Текст : электронный.
3. Булдаков, В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. / В. П. Булдаков. – Москва, 2012. – 756 с.
4. Виола, Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. – Москва, 2010. – 366 с.
5. Воробьев, Н. В. Правовое регулирование деятельности городской и рабочей потребительской кооперации России в 1917–1925 гг. / Н. В. Воробьев // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 84–89.
6. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1068.
7. ГАБО. Ф. П-6. Оп. 1. Д. 1649.
8. ГАБО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 215.
9. Гагарин, А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни (По итогам обследования Починковской волости Смоленской губернии) / А. Гагарин. – Москва ; Ленинград, 1925. – 112 с.
10. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / ответственный редактор А. К. Соколов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 328 с.
11. Давыдов, А. Ю. Самодельные городские кооперативы в годы нэпа / А. Ю. Давыдов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2014. – № 164. – С. 44–52.
12. Демчик, Е. В. Частный капитал города в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации: На материалах Сибири : специальность 07.00.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Демчик Е. В. – Санкт-Петербург, 1999. – 39 с.
13. Демчик, Е. В. Частный капитал и государственная власть в Сибири на исходе нэпа / Е. В. Демчик // Историко-экономические исследования. – 2006. – Т. 7, № 2. – С. 110–123.
14. Демчик, Е. В. Нэпманы: социально-профессиональные характеристики (на материалах Сибири) / Е. В. Демчик // Информационный бюллетень ассоциации история и компьютер. – 2014. – № 41. – С. 197–206.
15. Дианова, Е. В. Кооперация на антирелигиозном фронте 1920-х гг. / Е. В. Дианова // Государство, общество,

церковь в истории России XX–XXI вв. Материалы XIV международной научной конференции (г. Иваново, 18–19 марта 2015 г.). – Иваново, 2015. – С. 462–469.

16. Есиков, С. А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) / С. А. Есиков. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 244 с.

17. Жданова, Н. С. Сельскохозяйственная кредитная кооперация на Алтае в 1920-е гг. / Н. С. Жданова // Экономическая история Сибири XX – начала XXI вв. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научной конференции (г. Барнаул, 26–27 июня 2015 г.). – Барнаул, 2015. – С. 34–45.

18. Кооперативная жизнь. Ежемесячный кооперативный и экономический орган Брянского губернского союза потребительных обществ. – 1923. – № 9. – С. 9, 25.

19. Кузнецов, И. С. На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки) / И. С. Кузнецов. – Новосибирск, 2001. – 233 с.

20. Кулачков, В. В. Восприятие деятельности кооперативных организаций крестьянством Западного региона России в 1920-е гг. / В. В. Кулачков // Новейшая история России. – 2014. – № 2 (10). – С. 56–63.

21. Материалы к XV Брянской губернской конференции ВКП (б). – Брянск, 1928. – 31 с.

22. Наша деревня. – 6.04.1928. – № 55 (291). – С. 4.

23. Наша деревня. – 6.01.1928. – № 3 (237). – С. 3.

24. Наша деревня. – 13.01.1928. – № 6 (240). – С. 4.

25. Новая деревня. Двухнедельный научно-популярный иллюстрированный журнал для земледельцев. – 1928. – № 8. – С. 41.

26. Панарин, А. А. Роль кооперации в социальном развитии сельских районов Северного Кавказа в середине 1920-х гг. / А. А. Панарин // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 82–93.

27. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 396. Оп. 1. Д. 347.

28. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 311.

29. РГАЭ. Ф. 7018. Оп. 2. Д. 452.

30. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 154.

31. Стасюкевич, С. М. Деньги для крестьянства: сельскохозяйственный кредит на Дальнем Востоке в условиях нэпа / С. М. Стасюкевич // Новый исторический вестник. – 2014. – № 4 (42). – С. 63–75.

32. Твердюкова, Е. Д. Потребительская кооперация и ее роль в снабжении продовольствием населения Петрограда – Ленинграда в годы нэпа (1921–1928) / Е. Д. Твердюкова // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 318–330.

33. Твердюкова, Е. Д. «Двигатель... накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода нэпа / Е. Д. Твердюкова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 4, № 2. – С. 212–223.

34. Твердюкова, Е. Д. «Банки для бедных»: деятельность ломбардов Петрограда – Ленинграда в первое после-революционное десятилетие. 1918–1928 / Е. Д. Твердюкова // Новейшая история России. – 2016. – № 1 (15). – С. 33–46.

35. Твердюкова, Е. Д. Отражение проблем рабочего кредитования в советской журнальной сатире периода нэпа / Е. Д. Твердюкова // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 15–17 марта 2018 г.). – Санкт-Петербург, 2018. – С. 318–323.

36. Шекшеев, А. П. Потребительская и сельскохозяйственная кредитная кооперация на Енисее в 1920-е гг. / А. П. Шекшеев // Сибирский архив. – 2019. – Т. 2, № 8. – С. 1–45.

37. Ball, A. Russia's last capitalists; the Nepmen. 1921–1929 / A. Ball. – Berkeley; University of California Press, 1990. – 226 с.

38. Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. – Indiana, 1991. – 344 p.

V.V. Kulachkov

SOVIET COOPERATION IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY

(based on the materials of the Bryansk province)

The article considers the state of Soviet cooperation in the period of the new economic policy. It is mainly based on the materials of the Bryansk province. During the period under study, cooperation gradually turned from a relatively independent pre-revolutionary structure into a system that is almost completely controlled by the state. At the same time, thanks to temporary concessions to the Soviet government, there was an increase in amateur activity and activity of citizens, which was reflected in the cooperative sphere. Researchers who deal with this topic note the valuable contribution of cooperative structures to the socio-cultural sphere. A number of scientists reasonably believe that the transformation of cooperation into a part of the state system was a natural and inevitable phenomenon, which makes it possible to identify both positive and negative sides in its development. In connection with the above, the study of the development of cooperation and the citizens' attitude towards it are of great importance in studying the era of new economic policy. It is obvious that the Soviet state actively used cooperative structures to achieve its goals. It should be noted that the cooperation is quite effective in the fields of cultural and educational work, support for the poor, and the development of the socio-cultural sphere of the village. At the same time, the development of cooperation was hampered by such factors as embezzlement and misappropriation, a shortage of qualified personnel, and the loss of economic competition to private trade. In addition, the Russian peasants' focus on internal security was reinforced by the situation of present instability and future uncertainty, which was caused by the transitional nature of the new economic policy.

Soviet country, new economic policy, village, competition, Soviet cooperation, Bryansk province.